Вестник Томского государственного университета
Философия. Социология. Политология. 2014. №2 (26)

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 130

А.П. Артеменко

ОДИССЕЙ И ПОЛИФЕМ: ПАРАДИГМЫ ИСТИНЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследуются представления об истине и справедливости в модерной и постсовременной философской литературе. Отмечается общая тенденция отказа от «трансцендентальной грамматики» в философско-правовой литературе. Основные антропологические категории рассматриваются в деятельностном аспекте, что позволяет продемонстрировать ключевые отличия различных моделей истины и справедливости.

Ключевые слова: *справедливость, истина, актор, индивидуализм.*

Проблема истины и справедливости относится к числу фундаментальных философских проблем, решение которой определяет всю систему представлений о природе и структуре общества, закономерностях и причинах социальных процессов, роли человека и его окружения. Исходя из ответа на вопрос о том, что есть истина и справедливость, выстраивается вся структура социального космоса, система права и социальных отношений. По сути, тот, кто дает ответ на этот вопрос, определяет направление или производит дискурс (в терминологии М. Фуко) представления о системе должного. Вместе с этим производитель дискурса получает власть над обществом, поскольку производство дискурса – это производство власти.

Истина и справедливость – категории, фиксирующие отношения между субъектами, их действиями, явлениями, которые возникают как причины или следствия этих действий. Взаимосвязь этих категорий довольно сложна и опосредована. Значение понятия «истина» в сфере социальных, а тем более правовых отношений всегда требует оценочного дополнения. Точно так, как факт для нас не может существовать без интерпретации, так истина не существует вне контекста объяснения. Соотнесение факта с системой ценностей определенного общества устанавливает совпадение или несовпадение с представлением о его правильном, должном характере. Таким образом, справедливость предстает как совпадение признаков социального действия и элементов системы социальных ценностей.

Тема истины и справедливости может быть исследована с применением топологической методологии, которая рассматривает любой предмет исследования как поликомпонентный. Тем более это касается социальной сферы, где социальное пространство, так же как и пространство ментальных представлений, формируется соприсутствующими в нем объектами. Топос любого из этих объектов определяется окружением. Истина и справедливость так-

же привязаны к определенному кругу понятий и образу мышления. Они существуют в пространстве социального топоса, созданного соприсутствием социальных объектов, которые возникли как результат контингентности места, условий и идей. Внесение изменения в порядок контингентности или перенесение каких-то элементов в другую среду приводят к возникновению нового ментального и социального объекта.

В свою очередь, сторонники акторно-сетевой теории (Б. Латур, Дж. Ло, И. Гофман) в исследованиях отношений открывают структуры, которые также определяют и наше собственное поведение. Заостренный полемический смысл проблемы истины и метода Х.-Г. Гадамера, формирование порядка дискурса у М. Фуко или социального представления Ч. Тейлора – все это условия истины, которые не формируются логикой исследования, а предшествуют ей. Это отсылка к топосу, которая делает возможным для человека познание самого себя с точки зрения своей «практики», вписанной в более широкие структуры социального бытия.

Топологический подход к исследованию проблемы истины и справедливости заставляет обратить внимание на то, что Х.-Г. Гадамер называл «предпонимание». Это система ментальных установок и связанных с ними социальных практик, которая, по выражению Х.-Г. Гадамера, «имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы» [1. С. 617]. Истина и справедливость предстают как сложившаяся система опытно-научного рационализирования, некой общей идеологии, объясняющей связи и принципы отношений. При этом смысловое пространство, создаваемое общей идеологией, чувствительно к присутствию нового субъекта, так же как и пространство функциональных связей и отношений.

По своей сути установление моделей определения истины и справедливости напоминает ситуацию отношений гомеровских героев Одиссея и Полифема. Одиссей с товарищами приходит в пещеру к циклопу и, соблюдая традицию, приносит подарки для хозяина. Соответствие действий определенной социальной традиции заставляет читателя принять поступок Одиссея как справедливый.

Однако гости решают забрать запасы сыра и угнать козлят из пещеры циклопа, и только любопытство царя Итаки заставляет ждать хозяина. Пришедшему циклопу Одиссей напоминает о законах гостеприимства и мести богов за их нарушение. Но именно это напоминание и разгневало Полифема, поскольку «циклопам, нет нужды ни в боге Зевсе, ни в прочих ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей; страх громовержца Зевса разгневать меня не принудит вас пощадить; поступлю я как мне самому то угодно» [2. С. 115]. Таким образом, для Полифема здесь нет такого, как у Одиссея, совпадения ситуации визита гостей и представления о должном. Непринятие людских богов и их заповедей как нормы выводит поведение циклопа за границы представления Одиссея о справедливости, но оно вполне допустимо для самого Полифема. «Как мне самому то угодно» полагает иную систему оценивания социальной ситуации и справедливость, отличную от одиссеевой.

Однако в гомеровском сюжете заключен гораздо более значимый смысл. Одиссей, ослепивший циклопа, говорит о справедливом воздаянии за нару-

шение божественных заповедей и наказании гордеца. Он представляет это как кару богов за святотатство Полифема. Но речь циклопа открывает сокровенную тайну и причину произошедшего. Ему была предсказана такая судьба. Он знал даже имя своего ослепителя, но ждал он гиганта, а не «малорослого урода, хилого человечишки», который не в поединке, а подло опьянив, забрал зрение. Для Полифема в этом заключена несправедливость, и его моление к Посейдону – это предречение наказания Одиссея.

Ситуация, описанная Гомером, дает нам возможность увидеть существование двух моделей истины и справедливости, основанных на разных ценностных системах. Первую из них, от имени которой выступает Одиссей, следует определить как социоцентрическую или, вернее, – идеологическую. Традиция и законы определяют порядок социальных отношений, при этом справедливость легитимируется благодаря ссылке на идею социального порядка и законов (традиции или божественной воли). Вторая – волюнтаристическая, к которой можно отнести позицию Полифема, с его «как мне самому то угодно». Здесь правила отношений устанавливаются ситуативно и по воле участника социального взаимодействия. Однако эти модели сосуществуют и взаимодействуют, создавая совместное смысловое пространство. Кроме того, мы видим, как изменяется общая картина и поступков, и их значений в зависимости от характеристик субъектов социального действия. Царь Итаки предстает как мелкий воришка, обманщик, дерзкий человечишка, но при этом ратующий за соблюдение законов. Нелюдимый и жестокий циклоп вдруг превращается в испуганное существо, которому предрекли слепоту от руки пришельца. И как результат – именно молитва святотатца Полифема определила судьбу Одиссея, который чувствовал себя исполнителем воли богов. Таким образом, смысл события и его социальная оценка проявляются после вступления в действие всего ансамбля социальных факторов.

Для модерной парадигмы ограниченность значимости человека выражается в понимании его как социального субъекта с четким набором прав и функций. Это можно было бы назвать продолжением одиссеевой традиции представления об истине и справедливости, где внешние установления предопределяют социальное поведение человека. В свою очередь, этот набор становится основой для образования социальных структур и формирования социальных смыслов, того, что в обобщенном виде предстает как историческая или локальная культурная модель. Привязка прав человека к определенной культурной модели или политическому сообществу – именно это можно назвать методологической ловушкой модерна, поскольку модель определения личности предлагается только через ее окружение, общность с определенной социальной и территориальной локальностью.

Однако идея контингентности социальных процессов заставляет нас обратиться к рассмотрению уникальных элементов в системе современных представлений об истине и справедливости. Речь не идет об их оценке как неправильных. Они иные, поскольку пред-понимание истины и справедливости отсылает нас к другой системе легитимации, основанной на своеволии, вернее, на вольности, которая сродни волюнтаризму Полифема.

Начиная от Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка и заканчивая В. Гумбольдтом, Г. Еллинек, Г. Кельзеном, в европейских правовых концепциях

понятие «субъект» используется для абстрагирования мысли о личности как конкретного участника социально-правовых процессов. Современная формула «права человека и гражданина» существенно трансформировалась и, наконец, вернулась к её изначальному, чистому теоретико-правовому смыслу. По выражению О. Хёффе, «мы, наконец, переходим к правам человека как человека» [3. С. 53], а не приложения к государству, нации или классу. Фактически в этой ситуации происходит разрушение иллюзии относительно государства как действующего субъекта социальных отношений, а вместе с этим – поиск другой системы определения статуса гражданина, которая была бы не привязана к культурно-исторической локальности, имела более универсальный характер «о-пределения».

При этом, как утверждает О. Хеффе, в области общих принципов мы сознательно избегаем четкости определения понятия «субъект», поскольку оно содержит в себе «частичную антропологию» и может быть соотнесено с разными культурами и эпохами [3. С. 35]. «Частичная антропология» понимается как следствие современной «методологической ловушки» – привязки субъекта к определенной культурной или политической общности, возвращению к одиссеевой версии истины и справедливости. Следовательно, необходимо было уточнение понятия «субъект», которое соответствовало бы универсальным требованиям правовой мысли и социальной философии и не отсылало нас к этнической или политической общности. Это своеобразная «чистая правоведческая категория», если прибегнуть к аналогии с «чистым правоведением» Г. Кельзена.

Прагматический подход к пониманию субъекта в очередной раз заставляет искать новые формы его экстериоризации. Например, сегодня гражданство – это уже не историческая, экономическая, культурная и даже не политическая, а ***правовая общность***. Такое «преобразование» гражданства в правовое сообщество заложило основу всех теоретических нововведений, реализованных в Декларации прав человека. Права человека, а не гражданина или нации, стали центром внимания и теоретиков, и практиков права.

Г. Еллинек в конце XIX века создал в правовой теории общий эскиз «системы субъективных социальных прав», которая лишена черт этнической или культурной общности. Это система прав, касающихся сферы услуг (социальных, экономических, культурных), которые должен получить субъект правовых отношений. По выражению Ш. Хосепата, это ответ на требование «распределения необходимых для жизни благ» [4. С. 129], а не декларативная гарантия прав на счастье гражданина. Право не просто конкретизируется, а индивидуализируется. Правовая теория фактически нацелилась на поиск новой юридической формы определения личности как субъекта правовых отношений. Функциональная направленность идеологии субъекта нуждалась в новой системе обоснования прав, которые не привязывались бы к правам сообщества или государства с его статусом гражданина. Возможно, после всех этих преобразований на фоне нового институционализма, как утверждает О. Хёффе, мы будем говорить о «защите гражданина мира» [2. С. 322], без государства и даже без привычных международных организаций.

Как заметил Г. Маркузе, понятие «субъект» превратилось в «операционный термин». То есть государство как субъект — это уже не «коллективная

личность», «функциональный деятель», «ответственный за реализацию права гражданина на счастье». Это всего лишь «термин» для обозначения условий, правового порядка, функциональной необходимости и т.д. Если формально право является авторизованным, то его требования не являются безличными, а обращения предусматривают конкретных исполнителей – субъекта отношений. При таком подходе рождается принципиально новая схема связи государства и гражданина, которая трансформировалась в систему взаимодействия субъектов правовых отношений, а вместе с этим и новое видение истины и справедливости.

Главная идея теории справедливости в XX веке – взаимность обмена услугами между субъектами социального (правового) взаимодействия. От институциональной идеи права был сделан шаг к пониманию фактичности и нормативности права. Право перестало быть абстракцией, теперь это «закон в действии». Главная рациональная обусловленность справедливости – выгода (rational advantage) субъектов взаимодействия [5. С. 78]. Множественность субъектов социальной коммуникации, по мнению Дж. Ролза, не требует общей идеи добра или блага. Мы организуем совместные и собственные действия по принципу ***ситуативного согласия***. Так возникает правовая топология, отражающая условия жизни, личностные коммуникации, первичные блага, которые создают правовое и упорядочивают социальное пространство на основании личной договоренности. При этом автономия и самостоятельность деятельности субъектов не должна ограничиваться общими правилами. Создается впечатление, что после появления понятия «первичные блага» в теории справедливости исчезла вся «трансцендентальная грамматика», а ссылки на моральную составляющую поступка означают лишь обращение к гипотетическому императиву кантианской традиции.

Вслед за пониманием государства как теоретической конструкции, персонификацией отношений государства и гражданина и толкования преступления как «частного дела» появились интерпретации преступления как «искусственной конструкции», что порождает совсем другое отношение к проблеме справедливости. Х. Зер предложил «спустить преступление с высоты абстракции» [6. С. 148]. Также в этой концепции были «спущены с высоты абстракции» понятия «государство» и «гражданин». Благодаря этому преступление выглядит как «нарушение нормальных взаимоотношений между двумя личностями». Это уже не нарушение закона, не оскорбление общественных устоев и морали, поскольку они лишние как «конкретные концепции добра». Мы изменили статус преступления с «выпада против государства» на «насилие над личностью». Преступление – это межличностный конфликт, а его формально-правовое определение, как это видит Х. Зер, – «порождение правовой системы, которая устанавливает произвольные границы между различными видами нанесения ущерба и конфликтов, это искусственная конструкция» [6. С. 154].

Создается впечатление, что уход в прошлое «трансцендентальной грамматики» правовых отношений переформатировал и «социальную грамматику» общественных отношений, в результате чего, по словам З. Баумана, «вера в спасательную миссию общества умирает» [7. С. XLIX]. Вместе с этим понимание истины и справедливости обретает совершенно иную форму – уста-

новление межличностных отношений, договоренностей, компромиссов, для которых единые нормы больше напоминают рекомендации, а не правила действия. Полифемово «как самому то угодно» все сильнее напоминает о себе. Отрицание форм модерной социальности способствует фрагментации общественной жизни. Индивидуализация общества стала настолько сильной, что тотальность общественного, характерная для идеологии субъекта XIX–XX веков, потеряла свою актуальность. Однако точно так, как это было в эпизоде с Одиссеем и Полифемом, смысл действия и его социальная оценка проявляются после вступления в действие всего ансамбля социальных факторов.

По своей сути современный индивидуализм принципиально не отличается от индивидуализма договорной теории государства Дж. Локка или идеи субъективной посылки желания у И. Канта. По мнению последнего, субъективный посыл желания является мотивом объективным, предпосылкой воления – движущей причины. Отсюда различия между субъективными целями, основанными на мотивах, и объективными, которые зависят от движущих причин, значимых для каждого разумного существа [8. С. 243]. У З. Баумана эта кантовская сентенция превращается в «биографическое решение системных противоречий» и утверждение, что «индивидуализация пришла надолго» [7. С. 25, 56]. Хотя, скорее, следовало бы сказать, что «индивидуализация пришла давно», и кантовская основа практического принципа человеческой деятельности – разумное существо существует как цель сама по себе – это и есть субъективный принцип человеческих поступков [8. С. 243] – лучшее тому подтверждение.

Индивидуализированное общество – это признак потери человеком контроля над социальными процессами. Точнее, восприятие этих процессов как определенного потока активности, в которой личные приоритеты превращаются в смысл социальной деятельности. Деятель не тот, кто действует, согласно своему статусу в организации общества, а тот, кто модифицирует материальное, а вместе с этим – и личную социальную среду. Концепции истины и справедливости, которые были обозначены в позиции Одиссея и Полифема, явили свое активное присутствие в современных социально-культурных условиях. Индивидуализация общества приводит к уменьшению значимости социальных ролей, но одновременно это выявляет действующие структуры окружающего мира. Вместе с этим истина и справедливость получают свое отражение как функциональное соединение этих структур.

Всякая типология условна, как и предложенное в работе деление на идеологическую и волюнтаристическую модели легитимации представлений об истине и справедливости. Это деление дало нам возможность проанализировать европейскую парадигму представления о сфере должного, которая претендует на роль рациональной основы общей системы для общества в условиях глобализации. При этом нами была отмечена важная черта модерной европейской модели: развивая представление об общем благе, правовых нормах, социально-правовом статусе, защищающем права человека, эта модель пришла к идее индивидуализма, ситуативности правового решения и справедливости как договоренности сторон о «возмещении ущерба». Сведение с высоты абстракции понятий, которые определяли базовые представления об истине и справедливости, привело эту модель к волюнтаристиче-

ской схеме. Представление о правовом статусе субъекта все больше напоминает полифемово «как мне самому то угодно». Идея борьбы за равенство прав и возможностей, воплощенная в «восстании масс» XIX–XX веков, привела не просто к индивидуализированному обществу, а к обществу политического актора, с волюнтаристической моделью легитимизации истины и справедливости.

С другой стороны, в волюнтаристической модели, как и в идее вольности, все более обнаруживаются черты, рожденные одиссеевой традицией. Это признание необходимости общих внешних механизмов и агентов, которые используются как инструмент для реализации собственной воли. Воление остается главной ценностью волюнтаристической модели легитимации, но при этом оно получает статус социального и правового обоснования действия личности. Созданный моим волением объект (в самом широком смысле этого термина акторно-сетевой теории) становится полноправным участником предметно-знаковых и социально-правовых отношений и образованных связей физического мира. Решение, основанное на принципе «как мне то будет угодно», понимается не вне социальных связей или наперекор им, а как системообразующий элемент социальной структуры.

Литература

1. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. *Гомер.* Одиссея: пер. с древнегреч. В.Жуковского. М.: Правда, 1984. 320 с.
3. *Гьоффе О.* Трансцедентальний обмін – фігура легітимації прав людини? // Філософія прав людини / за ред. Ш. Госепата, Г. Ломмана. К.: Ніка-Центр, 2008. С. 32–48.
4. *Госепат Ш.* До обгрунтування соціальних прав людини // Філософія прав людини / за ред. Ш. Госепата, Г. Ломмана. К.: Ніка-Центр, 2008. С. 129–162.
5. *Ролз Дж.* Идеи блага и приоритет права // Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 76–107.
6. *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. 354 с.
7. *Бауман З.* Индивидуализированное общество: пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
8. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // И. Кант. Соч. в 6. т. М.: Мысль, 1964. Т. 4, ч.1. С. 238–278.
9. *Кельзен Г.* Чисте правознавство: 3 дод: Пробл. справедливості:. пер з нім. О. Мокровольського. К.: Юніверс, 2004. 496 с.
10. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества: пер. с англ. А. Юдин. М.: RFL-book, 1994. 368 с.
11. *Тейлор Ч.* Джерела себе: пер. з англ. А. Василенка. К.: Дух і літера, 2005. 696 с.
12. *Турен А.* Повернення дієвця: пер. с фр. О. Гуджен, О. Полемченко, Т. Шваб. К.: Альтерпрес, 2003. 320 с. (Сучасна гуманітарна бібліотека).

Artemenko Andrey Pavlovich National University of Pharmacy (Kharkov, Russion Federation)

ODYSSEUS AND POLYPHEMOS: PARADIGMS OF TRUTH AND JUSTICE IN INDIVIDUALISTIC SOCIETY

Keywords: subject, justice, truth, actor, individualism

The central theme of the work is study of the concepts of justice and truth in modern and postmodern philosophical literature. In the article a general tendency in a law and philosophical literature is shown as a trend away from the "transcendental grammar" in interpreting the terms subject, justice, truth.The author uses antic literature images Odysseus and Polyphemos for explaining the differences between two models of understanding justice, truth. Disclosure of social scope, func-

tional purpose of a human as member of society, hint at possibility of social laws similar to physical ones — all these create "ideology of subject", which cannot be separated from ideology of masses (party, class or nation). The paper notes the relationship between philosophical models of society and the concept of man as a social figure and law ideas of the nineteenth and twentieth centuries. Researcher demonstrates the usage of new social and philosophical methodology to the study of the scope of the rights and law relations. The author analyzed the influence of the philosophical concepts of individualism on the development of theories of justice in the twentieth century (J. Rawls, J. Zehr).The author analyzed the development of ideas of civil rights system and the social role of state. One of the objectives of the work was to demonstrate the main trends of comprehension of subject autonomy within the framework of modern and postmodern culture traditions.Modernity is characterized by the changing of attitudes to the value of the political and social structures. Individualization of society has led to changing of the importance of social roles of person, and appearing a new operating structure of human world. The author proves the necessity of a new topos formula of personality which reflects the status of equality, law activism and fundamental social and political transformation of society. Citizen means the actor of the social space, which changes the circumstances of his being in the world. The ideas of "returning of the actor" and "personalization" of society revealed the interdependence of man and the environment.

References

1. *Gadamer H-G.* Istina i metod: Osnovy filos.germenevtiki [Truth and method: the basics of philosophical hermeneutics]. Translated from German by N. Bessonova. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
2. *Homer.* Odisseya [Odyssey]. Translated from ancient Greek by V. A. Zhukovsky. Moscow: Pravda Publ., 1984. 320 p.
3. *G'offe O.* Transtsedental'niy obmin – figura legitimatsiï prav lyudini? [Transcendental lie – figure of human rights legitimation]. In: Gosepat S., Lomman G. Filosofiya prav lyudini [Philosophy of human rights]. Kiev: Nika-Tsentr Publ., 2008, pp. 32–48.
4. *Gosepat S.* Do obgruntuvannia sotsialnych prav ludini [Before the grounding of socialistic human rights]. In: In: Gosepat S., Lomman G. Filosofiya prav lyudini [Philosophy of human rights]. Kiev: Nika-Tsentr Publ., 2008, pp. 129–162.
5. *Rawls J.* Idei blaga i prioritet prava [The priority of *right* and *ideas* of good]. In: Sovremenniy liberalism [Modern liberalism]. Moscow: Dom intellektualnoy knigi, Progress – Traditsiya Publ., 1998, pp. 76–107.
6. *Zehr H.* Vosstanovitel'noye pravosudiye: noviy vzglyad na prestupleniye i nakazaniye. [Changing lenses. A new focus for crime and justice]. Translated from English by L.M. Karnozova, S.A. Pashin. Moscow: MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma" Publ., 1998. 354 p.
7. *Bauman Z.* Individualizirovannoye obshchestvo [Individualized society]. Translates from English by Inozemtsev. Moscow: Logos Publ., 2002. 390 p.
8. *Kant I.* Osnovy metafiziki nravstvennosti v 6 tomakh [Fundamental principles of the metaphysics of morals: In 6 vols.]. Translated from German by N.O. Lossovskiy. Moscow: Mysl' Publ., 1964. Vol. 4. Pt.1, 1472 p.
9. *Kelsen H.* Chiste pravoznavstvo: Probl. Spravedlivosti [The real jurisprudence: problem of justice]. Translated from German by O. Mokrovol'skiy. Kiev: Yunivers Publ., 2004. 496 p.
10. *Marcuse H.* Odnomerriy chelovek. Issledovaniye ideologoii razvitogo industrial'nogo obshchestva [One-dimensional man. Analysis of ideology of developed industrial society]. Translated from English by A. Yudin. Moscow: RFL-book Publ., 1994. 368 p.
11. *Taylor C.* Dzherela sebe [Sources of the Self: The Making of the Modern Identity]. Translated from English by A. Vasilenko. Kiev: Duh i litera Publ., 2005. 696 p.
12. *Touraine A.* Poverneniya diev [The return of man of action]. Translated from French by O. Gudzhen., O. Polemchenko., T. Shvab. Kiev: Alterpres Publ., 2003. 320 p.